

В. МАЕВСКИЙ

АФОН И ЕГО СУДЬБА

Р
У
С
С
К
И
Й
А
Ф
О
Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 3

Русский Афон

Владислав Маевский
Афон и его судьба

«Индрик»

2009

УДК 94 (4)

Маевский В. А.

Афон и его судьба / В. А. Маевский — «Индрик»,
2009 — (Русский Афон)

Книга русского писателя-эмигранта Владислава (Владимира) Альбиновича Маевского (1893–1975) «Афон и его судьба» никогда не издавалась в России. Являясь одной из последних книг, вышедших при жизни автора, она подводит своеобразный итог его многолетних усилий по сохранению Русского Афона в условиях фактической административной блокады Святой Горы правительством Греции в 50–60-е гг. XX в. В книгу, по замыслу автора, вошел публиковавшийся ранее цикл «Афонские рассказы», которые вместе с очерком Бориса Зайцева составляют золотой фонд русской литературы об Афоне XX в.

УДК 94 (4)

© Маевский В. А., 2009

© Индрик, 2009

Содержание

В.А. Маевский и его книга	5
Вступление	10
Первое паломничество на Афон	12
Приезд. Монастырь Св. Пантелеимона	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владислав Альбинович Маевский

Афон и его судьба

В.А. Маевский и его книга

Имя Владислава (Владимира) Альбиновича Маевского (1893–1975) почти неизвестно на родине. Такова обычная судьба многих представителей русской интеллигенции, начинавших свою деятельность в разгар Первой мировой войны. На чужбине, в эмиграции, ему удалось опубликовать более тридцати пяти книг¹, причем диапазон интересов этого писателя, историка, литературного критика и даже поэта чрезвычайно широк.

Биографические данные о нем очень скудны². В. А. Маевский родился на Украине, в Кременчуге, и принадлежал к древнему польскому роду Маевских. В 17 лет, преисполненный «отваги и самоуверенности», он хотел поступить в Михайловское артиллерийское училище, но по пути в Петербург раздумал и вернулся обратно, не выдержав разлуки с домом. Он решает посвятить себя литературе – но от судьбы не уйдешь, и как большинству его ровесников Владиславу предстоит провести под ружьем немало лет.

Первые печатные опыты двадцатилетний юноша посвятил описанию своего знакомства с Балканами, которое произошло во время Балканской войны 1912–1913 гг., где Владислав Альбинович воевал добровольцем. Первая его книга «Путевые наброски» (СПб., 1913) – это результат поездок по Турции, Сербии, Черногории и Далмации. Уже в ней Маевский заявил о себе как о поборнике славянского единства, основанного на православии. И этой идее В. Маевский остался верен всю жизнь. На Балканах, в Югославии, пройдет затем первая половина его жизни в эмиграции, и он на деле послужит укреплению сербско-русского братства.

С первых шагов литературной деятельности Маевский показал себя разносторонним писателем. Так, 1913 г. в Харькове увидела свет небольшая книжка Маевского на специальную тему: «Значение статистики». В дальнейшем Владислав Альбинович будет затрагивать самые различные темы: напишет исследования о И. С. Шмелеве, А. С. Пушкине, П. А. Столыпине, известных церковных публицистах Скворцове и Тихомирове и даже о Льве Толстом. Много трудов автор посвятил духовной жизни Югославии, писал художественные произведения и воспоминания о своей военной юности, об эмиграции и уделял внимание проблемам крестьянского хозяйства, но главным предметом его литературного творчества стала Святая Гора Афон.

В начале Первой мировой войны Владислав Альбинович издал в Москве сборник статей «Великая Россия и героическая Сербия». Желая делом следовать своей идее, он отправился на фронт добровольцем, служил в лейб-гвардии саперном полку и получил звание штабс-капитана. Революция застала Маевского на фронте, и скоро он оказался в рядах Добровольческой армии на юге страны. В 1919 г. он командовал взводом гвардейского конно-подрывного полускадрона, состоявшего в основном из юнкеров, затем служил в отдельной гвардейской инже-

¹ См. ниже библиографию работ В.А. Маевского, исправленную и дополненную для настоящего издания.

² См. Косик В. И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.) М.: ПСТ-БИ. 2000. С. 244; Фостер Л. Библиография русской эмигрантской литературы. Т. II. С. 731; Геринг А. А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. С. 53; Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Составитель Н. М. Зернов. Boston: G. K. Hall & Co., 1973; Незабываемые могилы. Т. IV. Л – М. М.: Пашков дом, 2004; Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Кореи. М.: Пашков дом, 2002. С. 106; A Commemorative List of the Departed Servants of Orthodoxy in North America («Dip-tychs») // Syosset: Department of History and Archives (Калифорния, США), 1992

нерной роте. О Гражданской войне Маевский впоследствии расскажет в книге «Повстанцы Украины: 1918–1919 гг.» (Белград, 1938).

Добровольцам приходилось сражаться не только с красными, но и с махновцами, петлюровцами и другими «освободителями» Украины. Полк Маевского брал Чигирин и родной Кременчуг, дрался под Киевом и Нежином. Писатель вел фронтовые записи, описывал боевые действия, впоследствии все эти материалы сложились в целый ряд произведений («Наброски с фронта» (Киев, 1918); «Гвардейские саперы» (Новый Сад, 1938); «В сиянии славы»). Предназначались эти книги русскому юношеству, понесшему основные тяготы Гражданской войны. Гражданская война закончилась для Владислава Альбиновича, как и для многих его соотечественников: 25 января 1920 г. он отплыл из Одессы в Константинополь, там голодал и бедствовал вместе с такими же беженцами, как и он. Вот как написал об этом другой эмигрант, митрополит Вениамин (Федченков): «Со всех сторон, как мухи на падаль, окружили нас пароходики, шаланды, лодки, предлагая пищу, фрукты и даже пресную воду. Да... На многих судах уже не хватало ее, и люди были готовы напиться за золото. И, насколько помню, этой водой торговали преимущественно греки. Православные христиане, они – увь! – показали себя несколько не менее корыстными, чем турки, даже, говоря откровенно, более. Печально это писать, но такова была правда истории». Позже эту печальную правду пришлось подтвердить самому Маевскому: «...Святая Гора Афон привлекла такое внимание греческого правительства не своей святостью и вековой славою, а своим богатством, созданным всеми православными народами... Захватив Афон, греки ввели туда большие полицейские отряды и издали строжайшее распоряжение об обязательном принятии всеми насельниками греческого подданства... Турки – враги всего, что противно исламу, – хранили в душе своей пиетет к православной вере и ее святыням, которого очень мало у греков-христиан. Турки следили только за порядком и безопасностью этого исключительного места и его великих насельников и гордились тем, что в их государстве находится величайшая православная святыня».

Скоро писатель оказался в эмиграции в Югославии и начал сотрудничать с русскими православными организациями, поступил на богословский факультет Белградского университета. Ему удалось устроиться библиотекарем в Сербскую Патриархию. Превосходное владение сербским языком обратило на Маевского внимание Сербского Патриарха Варнавы (Русича), воспитанника Санкт-Петербургской духовной академии. В апреле 1930 г. Маевский стал его личным секретарем. Тогда же началась активная научная и литературная деятельность писателя. Работа личным секретарем Патриарха открыла перед Маевским новые возможности. Он предпринял четыре паломничества на Святую Гору, написал небольшую брошюру об Иверской иконе на Афоне³ и первый очерк, посвященный Афону⁴. Тогда же он опубликовал работу о роли Крестовых походов на Православном Востоке⁵. В 1941 г. вышла еще одна книга Маевского об Афоне, посвященная сербскому монастырю Хиландар⁶. Тогда же написал он двухтомный труд о Сербском Патриархе Варнаве, большом друге России, выпустил под своей редакцией сборник «Русское Зарубежье – Патриарху Варнаве» и напечатал другие научно-литературные труды⁷. Впоследствии югославский период жизни стал материалом для фундаментального труда: «Русские в Югославии: взаимоотношения России и Сербии» (Нью-Йорк, 1960. Т. I; Нью-Йорк, 1966. Т. II). В этой книге он не только анализировал русско-сербские отношения в эмиграции, но и представил прекрасный материал по истории Русской Православной Церкви за границей.

³ Иверская Богоматерь на Афоне. Белград: Русская типография С. Ф. Филонова, 1932. 64 с.

⁴ Святая гора. Сремски Карловцы, 1937. 87 с.

⁵ Крестовые походы и борьба на Востоке. Дрезден, 1935

⁶ Лавра Хиландар. Новый Сад, 1941

⁷ См. библиографию за 1931–1941 гг.

После оккупации фашистами Югославии В. А. Маевский оказался на территории самопровозглашенного государства усташей – Хорватии. Был подвергнут аресту и выпущен под наблюдение полиции, но все равно продолжал принимать активное участие в жизни русской эмиграции на территории Югославии. Его литературно-общественная деятельность возобновилась почти десять лет спустя, когда отгремела Вторая мировая война и улеглись вызванные ею потрясения. После Второй мировой войны, после немецкого концлагеря он попал в Швейцарию, где возобновилась его дружба с И. С. Шмелевым, начавшаяся в Крыму в революционное лихолетье. Начался новый этап в общественной деятельности Маевского. Он пытается использовать эмигрантские круги для противодействия правительству Греции, проводящего политику вытеснения негреческого монашества с Афона, привлечь к решению этой проблемы международные организации и представителей Московского Патриархата.

Находясь в Швейцарии, Владислав Альбинович получил возможность восстановить связь с русским Афоном. И вот к нему стали приходить тревожные вести о вымирании, запустении и разрушении русских обителей. Писатель решил обратиться к собору Русской Церкви США, который открывался примерно в это время. 8 сентября 1946 г. он отправил пространственный меморандум на имя председателя Предсоборной комиссии архиепископа Виталия. В этом документе он предложил интересное решение проблемы: «Большое религиозное движение среди десятков русских беженцев, группирующихся вокруг свободной Зарубежной Церкви, свидетельствует о том, что смену для афонского монашества найти очень легко, что она уже существует, необходимо лишь переправить ее на святую Гору». Одновременно он выступил со статьей «Промедление смерти подобно» в газете «Новое русское слово» от 20 октября 1946 г. Собор не смог уделить внимания афонской проблеме, так как на повестке дня неожиданно встал вопрос о соединении с Московским Патриархатом в рамках автономии.

Писатель был не в состоянии в одиночку преодолеть заслон греческих чиновников, надежно закрывший на Афон путь русскому человеку. Но он продолжал настойчиво призывать православных людей к решению этой проблемы, в том числе и своих собратьев по перу. Он писал письма, статьи, книги. В 1950 г. вышел в свет сборник «Афонские рассказы», остающийся и сегодня одной из лучших книг о Святой Горе. Жанр и структура сборника позволила автору включить в него материал всех своих посещений Афона в 30-е гг. XX в., благодаря чему возник единый высокохудожественный образ афонской жизни после Первой мировой войны – наиболее мрачного в жизни монашеской республики. Несмотря на достаточно мягкую и весьма уместную критику националистической политики греческого правительства, которое начиная с 1926 г. жестоко и цинично добивалось сокращения численности монашества на Афоне вообще, а негреческого монашества в особенности, с момента появления книги въезд на Святую Гору для Маевского был закрыт. Он знал, чем рискует, но на карте стоял тот Афон, сохранение которого стало целью его работы. Его голос был услышан. Выступили со специальными обращениями писатель Г. Д. Гребенщиков и адвокат И. М. Цап. Через шесть лет после начала борьбы за русский Афон группа православных христиан во главе с архиепископом Зарубежной Церкви Леонтием написала петицию в ООН. Только в июне 1963 г. писателю удалось еще раз посетить Святую Гору в составе официальной делегации Московской Патриархии, в качестве личного переводчика архиепископа Никодима (Ротова), когда весь европейский мир отмечал 1000-летие Афона. Такое представительное паломничество, каким стало празднование 1000-летия Афона, оказалось первым за весь почти сорокалетний период унижения, глумления и в итоге истребления афонского монашества светской властью православного греческого государства. То, что открылось высоким гостям, произвело на них сильное впечатление. Писатель стал свидетелем резких слов, с которыми Болгарский Патриарх Кирилл обратился к Патриарху Афинагору: «Господь взыщет с Вас, а история Вас осудит, если в Ваше Патриаршество угаснут славянские лампы на Святой Горе». Вселенский Патриарх Афинагор, в чьей юрисдикции находится Афон, вынужден был дать публичное обещание воздействовать

на греческие власти с целью изменения ситуации. Но на деле она только ухудшилась. Старые монахи в 60-е гг. XX в. вымирали, пополнения не было или почти не было. Многие здания не только келий, но даже скитов и монастырей разрушались. Афон оставался закрытой для посторонних зоной, и он умирал. Поэтому появление в 1969 г. книги под названием «Афон и его судьба» преследовало цель не только рассказать о чуде, которым является Святая Гора и ее монашеские обители. Это было уже требование немедленно вмешаться, обращенное как к Православным Церквям Европы и Америки, так и к международным организациям, таким как ООН, да и просто ко всем цивилизованным людям. В новую книгу вошли прежние рассказы почти в полном составе, но автор сгруппировал их по трем главам в соответствии с хронологией своих посещений Святой Горы. Текст был немного сокращен и отредактирован, приобрел большую динамичность, но читался по-прежнему легко и увлекательно. Сверив состав сборника «Афонские рассказы» с новой книгой, мы обнаружили, что четыре текста были изъяты автором, очевидно в целях сокращения⁸, а еще один очерк, «Нужды Афона», разросся в самостоятельный раздел, названный «Угашаемый светильник». Материалы его рассказывают о расправе православной Греции над своими братьями – негреческими монахами Афона.

Об отчаянном положении монахов Святой Горы, ставших, по сути, узниками греческой полиции полуострова, в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. начали говорить не только православные публицисты. В конце концов общественное мнение перестало закрывать глаза на происходящее. Появились вопросы к греческому правительству. Сербская, Русская и Болгарская Церкви так же настойчиво требовали соблюдения прав своих членов на Афонской Горе. Возвысили голос представители русских православных общин в Европе и Америке. Все это привело к постепенному (насколько возможно более медленному) смягчению позиции греческих властей по недопущению на Афон иноков негреческой национальности. Это был перелом. Появилась надежда сохранить Афон не только православным и монашеским, но и многонациональным. И в этом была заслуга прекрасной книги рыцаря Святой Горы – В. А. Маевского.

«Окончательно вопрос о общеправославном Афоне конечно может быть решен только тогда, когда Великая Россия вернется к прерванному своему историческому пути и призванию среди православного мира», – эти слова писателя можно назвать пророческими. Не наступает ли это время сегодня?

В конце 40-х гг. Маевский переехал в США, поступил на работу в Свято-Тихоновскую семинарию в г. Саут Канаан, штат Пенсильвания, где преподавал различные дисциплины, как богословские, так и исторические. Там начинается довольно тесно общение Владимира Альбиновича с сербским святителем Николаем (Велимировичем), и вскоре владыка присоединился к профессорско-преподавательскому составу семинарии. Маевский до конца своей жизни продолжал издавать как монографии, так и статьи в периодической печати русской эмиграции. Скончался он 16 января 1975 г., похоронен в Пенсильвании, на кладбище города Розлин. Книги Маевского ждут переиздания в России, где его имя становится все более известным и привлекательным. Оно действительно достойно своего места в отечественной словесности. Предлагаем вниманию читателей ряд очерков Владислава Маевского, описывающих путевые впечатления писателя от поездки на Афон, о памятных встречах с насельниками Святой Горы.

Книги В.А. Маевского

Путевые наброски (Турция, Сербия, Черногория, Далмация). СПб., 1913. Значение статистики. Харьков. 1913.

Великая Россия и героическая Сербия (сборник газетных статей). М., 1914. Распределение продуктов продовольствия. Киев, 1914. Вешние воды. Пг., 1914. Т. I.

⁸ Эти четыре рассказа приводятся в приложении к настоящему изданию.

- Эволюция крестьянского хозяйства 1902–1912 гг. в Полтавской губернии. Киев, 1915.
Будущая Югославия. Киев, 1916.
Наброски с фронта. Киев, 1918.
Искры. Нови-Сад. 1931. Т. II.
Сербский патриарх Варнава и его время. Белград, 1932. Т. I–II.
Иверская Божья Матерь. Белград, 1932.
Революционер-монархист (Тихомиров). Нови-Сад, 1934.
Русское Зарубежье – Патриарху Варнаве / Сборник под ред. Вл. А. Маевского. Белград, 1935.
Крестовые походы и борьба на Востоке. Дрезден, 1935.
Народный Патриарх. Сремски Карловцы, 1936. Т. I–II.
Святая Гора. Сремски Карловцы, 1937.
Женщины. Белград, 1937.
Гвардейские саперы. Нови-Сад: Русская типография С. Ф. Филонова, 1938. (другое название: В сиянии славы. Государевы саперы).
Повстанцы Украины. Белград, 1938.
Неугасимый Светильник. Шанхай, 1940. Т. I–II.
Лавра Хилендар. Нови-Сад, 1941.
Афонские рассказы. Париж, 1950 (репринт: Коломна, 1993).
Трагедия богоискательства Льва Толстого. Буэнос-Айрес, 1952.
Внутренняя миссия и ее основоположник (В. М. Скворцов). Буэнос-Айрес, 1954.
Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. Мюнхен, 1956.
По тропинкам прошлого. Буэнос-Айрес, 1957.
Христианство и социализм. Буэнос-Айрес, 1959.
Патриарх Варнава и конкордатная война. Б. м. (США), 1958.
Взаимоотношения России и Сербии. Буэнос-Айрес, 1960. Т. I.
Лесна, Хопово и Фуркэ. Сан-Паулу, 1962.
Борец за благо России (Столыпин. К 100-летию со дня рождения). Мадрид, 1962.
На грани двух эпох. Трагедия императорской России. Нью-Йорк, 1964.
Дореволюционная Россия и СССР. Мадрид, 1965.
Взаимоотношения России и Сербии. Т. II. Русские в Югославии (1920–1945). Нью-Йорк, 1966.
На ниве церковной. Мадрид, 1968.
Афон и его судьба. Мадрид, 1969.
Исторические очерки. Б. м. 1973.

Вступление

Полуостров, лежащий на юге Македонии и носящий название Халкидонский, вдается в Эгейское море тремя отдельными полуостровками, из коих самый восточный называется Афоном – Святой Горой. Несмотря на свыше тысячелетнее существование иноческих поселений на Афоне, и поныне сохранилось много девственных мест, дебрей и неприступных утесов. В физическом отношении Афон представляет удивительный уголок в целом мире. Почти вся поверхность горы, ее склоны и долины покрыты вековыми, высокими деревьями и мелким кустарником разной породы. Густолиственные кедры, прекрасные и разукрашенные вьющимися по их стволам и ветвям стеблями и цветами омелы, благоухающие певги и стройные кипарисы; крепкие буки и дубы, тенистые платаны и черные тополи, плакучие ивы и громадные каштаны; маслины, миртовые, миндальные, апельсиновые и лимонные деревья; вишни и виноград, розы, яблони и груши, – вот обычные представители афонской флоры. Прекрасный вид восполняется многочисленными источниками воды. А разнообразные представители пернатого царства непрерывно оглашают воздух пением и криками. И над всем господствует яркое тропическое солнце.

Эта примечательная местность и служила с древних времен наиболее любимым очагом православного греко-славянского монашества.

Первоначальные иноческие поселения на Афоне относятся ко времени возникновения христианского монашества (IV век). Но они проявлялись в форме одиночного подвижничества и анахоретства. Лишь в царствование византийского императора Константина Погоната (668–685 гг.), отдавшего Афон в полное распоряжение монахов, здесь возникли монастыри, небольшие по размерам и населению и не богатые материальными средствами. В иконоборческую эпоху VIII века прилив монахов на уединенный и далекий от гонений Афон увеличился. Но в XI веке местное население неоднократно подвергалось опустошительным набегам со стороны арабов и морских пиратов.

Императоры Македонской династии своими щедрыми пожертвованиями и покровительством содействовали умножению монашества на Афоне. Но особенно укрепилось афонское монашество в X веке благодаря трудам святого Афанасия Афонского († 1001 г.), который впервые построил большой монастырь на самой территории Афона, ввел в нем общежительное устройство и дал своей киновии новый устав, определявший ее жизнь и церковно-богослужебный строй. По образцу этой Лавры Св. Афанасия стали на Афоне возникать и другие монастыри (Иверский, Каракальский, Кутлумушский и др.), в коих жизнь монахов стала устроиться на началах киновии. Вместе с тем продолжало процветать и анахоретство, эта изначальная форма афонского иночества. Высота иноческих подвигов была так почтенна, что в середине XI века Афон в первый раз и официально был назван Святой Горой – в уставе императора Константина Мономаха от 1046 года.

В то время здесь было до 180 монастырей и громадное число монахов: в одной Лавре Св. Афанасия их было больше 700. Они проводили строгую религиозно-созерцательную жизнь, и не было различия между рабом и господином; здесь царили истинная свобода и справедливость.

В царствование византийской династии Комнинов (XII век) Афон пользовался и внешним благополучием, и внутренним благоустройством. Один из императоров этой династии, Алексей I, даже узаконил, чтобы Афон был независим от всякой власти – гражданской и церковной, в том числе и патриаршей, и подчинялся только императору. Ближайшее высшее управление афонскими монастырями возлагалось на совет игуменов во главе с первым из них – протом; епархиальной власти (епископу соседнего города Иериссо) предоставлялось только право хиротонии афонских священников и диаконов по желанию монастырей.

К началу XIII века Афон был весь усеян монастырями, так что казался одним большим монастырем, представлялся всецело иноческим царством. В то же время единством духовных целей он роднил все племена и соединял в одну общину представителей разных народностей. Все стремились к одной цели – вечному спасению, для всех Афон был высшей школой православно-христианского подвижничества. Это был монашеский рай, место святое, дом Божий и Врата Небесные... Но вслед затем в истории Афона наступила другая пора.

В 1204 году, после завоевания Константинополя латинянами, подпал под их власть и монашеский Афон; высшее управление взял на себя Римский Папа Иннокентий III, а ближайшее о нем попечение было предоставлено Севастийскому латинскому епископу. При императоре Михаиле VIII Палеологе (1259–1282 гг.), который по соображениям политическим и личным затеял церковную унию с Римом в 1274 году, афонские монахи подверглись жестокому преследованию за устойчивость в исповедании православия.

В эпоху династии Палеологов (XIV век) Афон пользовался сравнительным благополучием благодаря щедротам и покровительству императоров. Один из них, Андроник Старший, отказался от непосредственного управления Афоном и подчинил его власти Константинопольского Патриарха. В 1453 году Афон был завоеван турками, но пощажён от разорения и получил право свободно совершать христианское богослужение. В последующее время подвергся бедствию – в царствование султана Селима II (1566–1574 гг.), который отнял в пользу казны все монастырские имения. И с того времени многие монастыри впали в бедность. В 1821 году, во время восстания греков, на Афон вступили турки и заняли монастыри. Взята была большая контрибуция, некоторые монастыри были ограблены и разорены, монахов частью разогнали, а частью предали смерти. Султан Махмуд хотел скрыть монастыри, но пощадил по ходатайству русского императора Александра I. После этого Афон стал пополняться монахами только после заключения мира русских с турками в Адрианополе в 1829 году.

* * *

На Афоне существует 20 больших монастырей: 17 греческих, 1 русский, 1 сербский и 1 болгарский. Они занимают господствующее положение и при посредстве своих представителей (антипросопов) составляют центральное управление Афона, именуемое Протатом, которому принадлежит вся власть – административная, законодательная и судебная – в отношении ко всем иноческим учреждениям Афонской Горы.

После монастырей второе по значению место принадлежит скитам (13), расположенным на земле одного из 20 монастырей, коему и принадлежит право высшего управления скитом. К иноческим учреждениям относятся также и келлии (было их около 200), которые тоже расположены на земле одного из полноправных монастырей. Они имели свой храм, иногда два-три, а во главе не игумена, а геронта-старца. От келлий надо отличать каливы (около 400), представлявшие отдельное небольшое здание на земле монастыря или скита, проданное геронту и одному его ученику, но без права наследственной передачи другим; после смерти обоих калива снова переходила в собственность монастыря или скита.

Первое паломничество на Афон

Приезд. Монастырь Св. Пантелеимона

Было это давно. А вот вспомнилось так ясно, будто было совсем недавно.

Наш пароход Добровольного флота рано утром вошел в Дарданеллы, соединяющие Мраморное море с Эгейским или архипелагом и Средиземным морем. Простояв на якоре часа два в городе Дарданеллы, пароход вышел в море, направляясь к Святой Афонской Горе.

До глубокой ночи большинство паломников теснилось на площадке носовой части парохода, откуда был уже виден серебристый шпиль Афона.

По мере приближения нашего парохода к Святой Горе окутавшие ее густые облака постепенно редели, и Афон все более и величественнее восставал пред нашими глазами. А поздно вечером загрохотал тяжеловесный якорь; паломники засуетились. Желая высадиться на Афон стали надевать на плечи свои котомки, готовясь сойти в большие деревянные баркасы и лодки.

На берегу в Дафни встретили нас приветливые русские монахи и разместили в подворьях обителей и келлий афонских.

Не успели мы привести себя в порядок с дороги, как нас позвали к чаю и закуске. Чай был приготовлен в коридоре у террасы, с которой открывался чудный вид на афонский залив. С одной стороны коридора расположены были кельи иноков-гостинников, а с другой – светлый, просторный зал с диванами и креслами для приезжих гостей и большими портретами и картинами по стенам.

Закуска состояла из сельдей, нарезанных кусочками, на тарелках и черного хлеба. На длинных столах стояло несколько больших металлических чайников; в каждый из них в кипяток был засыпан чай и сахар, отчего получилось питье вкусное и нужное для истомившихся паломников. Подкрепив силы, мы в первом часу ночи встали из-за стола.

Ночь была тихая, темная. Только мягкий плеск моря нарушал глубокое безмолвие афонской ночи. Несмотря на сильное переутомление и усталость, в душе чувствовалась отрада, мир. Благодатный трепет объял душу, и явилось непреодолимое желание помолиться; чувствовалось единение духа с молитвой насельников Святой Горы.

Едва начало светать, меня разбудили паломники, отправлявшиеся на мулах и ослах в монастыри, в подворьях которых они ночевали. Наш багаж был отправлен в Пантелеимонов монастырь, и большинство паломников пошли пешком. До монастыря было ходу час с небольшим.

Встретили нас с большим радушием, вниманием и любовью. Разместили в огромном корпусе, вне монастырской ограды, на берегу. В течение этого дня познакомили нас со святынями этой великой и древней обители, старались привлечь внимание наше к исконному благочестию Афона, где тогда процветало монашество и русские обители ежегодно в стенах своих принимали десятки тысяч паломников из России.

1

Изрядно утомившийся от путешествия и множества новых впечатлений, я вскоре улегся спать. А утром проспал бы, вероятно, значительно дольше, если бы в слух мой не ворвался неожиданный и осторожный, но все же упорно-настойчивый звук, тотчас же напомнивший мне

о месте моего пребывания. Стучал в дверь фондаричный⁹, отец Паисий, одновременно со стуком произнесший обычное монашеское приветствие, так чудесно звучащее во всех православных обителях: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже, помилуй нас!» Я тотчас же отозвался, по-монашески «поаминил». Отец Паисий явился ко мне оповестить о важном деле – о предстоящем визите к их знаменитому игумену, отцу архимандриту Мисаилу, старцу восьмидесяти двух лет и гордости не только этой славной обители, но и всего русского монашества на Святой Горе.

– Первоначально вас просит зайти к себе отец наместник, – весело и любезно сообщил мне инок. – Пожалуйте за мною, отец наместник уже ждет!

Я быстро собрался и через несколько минут длинными и прохладными коридорами уже подходил к маленькой двери кельйки отца наместника, в которую постучался мой спутник, произнося традиционное «молитвами святых отец». Дверь нам открыл келейник отца наместника, симпатичный и с открытым лицом схимонах, отец Иаков. А через минуту я уже находился в обществе иеросхимонаха отца Иоанникия, произведшего на меня с первого же знакомства самое отрадное и серьезное впечатление. Это был образец хорошего русского инока, дополненный качествами от природы смышленного русского человека. А вышел он из своеобразной – одной только старой России известной, крепкой и патриархальной семьи второй половины XIX столетия, когда эта среда еще не была заражена упадком нравов.

Интересна сама по себе личность отца Иоанникия. Помимо высокой религиозной настроенности, примерной монашеской жизни и трудов по хозяйству он принес монастырю огромную пользу и завидной стойкостью своих убеждений. Так, во время имябожеской смуты именно он стал определенно на сторону противников этого движения, удерживая слабых и мятущихся. И в качестве опытного типографа он тогда оказал значительные услуги неимябожеской части братии и представителям Священного Синода печатанием воззваний, обращений и т. д. Большую стойкость проявил отец Иоанникий и в другом исключительном событии монастырской жизни. В 1913 году, возвращаясь из Палестины, в Пантелеимонов монастырь на Афоне прибыл злополучный Григорий Распутин. В то время он находился в расцвете своего влияния на многих высоких лиц русской церковной и государственной жизни. По своей непосредственности и малокультурности он часто этим кичился, запугивая окружающих и нередко злоупотреблял этим своим влиянием, принося жалобы на неповинуящихся его притязаниям.

И вот, прибыв в Пантелеимоновский монастырь, Распутин сразу же стал оказывать дурное влияние на некоторых малодушных и темных монахов, особенно молодых послушников. Он вносил в их среду свойственный ему дух изуверства и отрицания духовной дисциплины. Но сила его влияния в Петербурге, казалось, так велика, что скромное монашеское начальство растерялось. Только молодой, стремительный и крепкий духом отец Иоанникий не сробел. Он лично отправился к Распутину, смело указал ему на вред для обители от его в ней дальнейшего пребывания и вносимого им соблазна и потребовал немедленного ухода из монастыря... Невзирая на сопротивление, дьявольскую злобу и угрозы, Распутин все же вынужден был немедленно покинуть стены обители и первым паромом выехал в Россию.

Конечно, злопамятный Распутин не преминул отомстить стойкому афонскому инок. Когда отцу Иоанникию понадобилось отправиться в Россию по сбору милостыни на обитель, «старец Григорий» добился синодального запрещения ему на въезд туда.

* * *

Сидели мы с отцом Иоанникием, попивали чаек и так оживленно, дружески разговаривали, будто были хорошо знакомы много лет. При этом я искренно наслаждался его речью, от

⁹ Гостинник, заведующий помещением для гостей.

которой так и веяло крепким севером далекой и милой родины. Он был чистой воды великоросс, несмотря на долгий срок пребывания на Афоне, сохранивший характер русской народной речи, казавшейся мне теперь особенно дорогой и очаровательной.

А она так и лилась, эта замечательная речь «говорком», сверкая меткими народными словцами и поговорками, поражая своей находчивостью и остроумием, знанием людей и человеческой жизни. Так говорили когда-то в старой и доброй России торговые люди. Так, вероятно, говорили русские бояре и замоскворецкие купцы при Алексее Михайловиче и Великом Петре. И отец Иоанникий, перенеся эту русскую речь через десятилетия, теперь щедро ей обдавал меня. Время проходило быстро в приятной беседе, и жаль было уходить от такого замечательного русского самородка. В его лице соединялась ревность о славе Божьей и высоком достоинстве русского монашества на Афоне с личным подвигом иноческого жития, неослабное попечение о строгой уставности богослужения и жизни родной обители с несокрушимой энергией в настойчивой работе для устранения нужды иноков.

Везде он успевал побывать, все видел и во всем принимал личное участие. При такой склонности и горении к работе ему естественно было взять на свои крепкие рамена и управление обителью, когда старец игумен монастыря, архимандрит отец Мисаил, изнурительным недугом лишен был способности передвигаться.

– Отец игумен уже ждет вас! – сказал наместник. – Из своих покоев он никуда не выходит, но дорогих гостей принимает с любовью и радостью... Что поделаешь! Такова, видно, Господня воля, приходится отцу игумену не покидать кресла... Паралич. Да и возраст преклонный: больше восьми десятков годков... Но голова у нашего отца игумена и поныне светлая. Дай Боже, такую голову каждому и молодому! Впрочем, сами убедитесь.

Отец Иоанникий был прав. Прошло не более получаса – и я уже уходил от архимандрита Мисаила, овеянный обаянием этого удивительного маститого старца. Знаменитый игумен отец Мисаил был «уходец» из патриархальной семьи, и з толщ и русского народа. Еще безусым юношей прибыл он на Афон по горячему и полному веры побуждению и поступил в Пантелеимонов монастырь. Тогда началось длительное и упорное прохождение монастырской школы под строгим руководством опытных старцев, постепенно возводивших молодого инок на непонятную для мирского человека духовную высоту, открывавшую ему путь к высоким подвигам. И он прошел много послушаний, из которых самое важное – многолетнее настоятельство в Константинополе на монастырском подворье. Именно это послушание и дало ему большой житейский опыт, сильно расширило его кругозор.

Вообще, несмотря на почти полное отсутствие систематического школьного образования, отец Мисаил всегда отличался не только большим природным умом, но и умением себя держать с представителями различного общества и положения. Он обладал природным большим тактом в разговоре, житейской мудростью и находчивостью. Иногда только некоторая природная застенчивость замечалась в этом выдающемся монахе, но ответы его всегда были метки и живы. Лишнего он не говорил никогда и вообще всегда держался скорее сдержанно, с истинным монашеским достоинством и редкой скромностью.

Прошли многие годы, и из молодого инок выработался опытный старец, славившийся своей строгой жизнью и являвшийся образцом истинно-аскетической жизни для других монахов. И пришло время, когда братия сама с любовью и уважением возложила на отца Мисаила игуменство над собой. Но это явилось для него наиболее тяжким послушанием в ряду всех других, исполненных тогда, когда он сам еще находился под игуменской властью.

Монастырь Св. великомученика и целителя Пантелеимона на Афоне громаден. Хозяйство его разнообразно и сложно. Братия в прежние времена была многочисленна, и необходимо было обладать колоссальной силой воли, опытностью и умом, чтобы нести ответственность за благополучие обители и поддерживать престиж и высоту духовной власти. И этих качеств с избытком хватало у отца Мисаила, несмотря на его возраст и развившиеся под конец жизни

недомогания, приковавшие маститого старца к креслу. Но это обстоятельство, однако, не помешало отцу игумену принять меня у себя с исключительной любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренно наслаждаться интересной беседой с ним и отеческими наставлениями, исполненными жизненной мудрости и душевной ясности.

В облике игумена отца Мисаила было что-то патриархальное, нечто от идеального монаха доброго старого времени. Не входя сам в подробности и мелочи административно-хозяйственной жизни огромного монастыря, отец Мисаил имел дар избирать хороших помощников, которым доверял ведение монастырских дел. При этом он любил покровительствовать людям с образованием, прекрасно относился к ним и старался дать им подходящие послушания. Вообще, это был человек мира. Благодатное спокойствие, сияющая ясность духа, кротость и терпение – вот отличительные черты характера этого прекрасного человека. «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи», – вспоминаются при мысли о нем слова преподобного Серафима Саровского. Но выше всего у отца Мисаила был дар отеческой любви.

* * *

Я все с большим наслаждением прислушивался к густому баску мудрого старца, который ласково обдавал меня своими отеческими наставлениями, как дорогим подарком, наполнявшим мою душу лучшими чувствами. Отец Мисаил как-то невольно подчинял себе всех окружающих своими богатыми душевными качествами, влияние которых в значительной степени подкреплялось еще и внешней импозантностью его величественной фигуры. Он был высок ростом, широк в плечах и крепок телосложением, являлся как бы аллегорическим изображением доброго и могучего духа Святой Руси. И эти особенности бросались в глаза даже тогда, когда этот старец сидел в своем глубоком кресле, скованный тяжким недугом. И в то же время каждого посетителя поражала почти детская ласковость и доброта отца Мисаила.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! – благословил меня при прощании отец игумен. – Еще зайдете не раз, конечно, до отъезда!

Поклонившись милому старцу, я вышел из его покоев, согретый исключительной задушевностью.

2

Время шло незаметно. Утомленный долгим хождением по обширной и живописной территории Пантелеимонова монастыря, как-то подошел я к морю. Уже наступил чудесный южный вечер, и на западе тихо угасала багрово-золотая полоска зари. А из-за афонских горных массивов робко выплывала полная луна, с каждой минутой набиравшаяся все большей силы и уверенности. Вскоре она как бы окончательно оправилась от «смущения» и тогда залила своим кротким и мягким светом и небо, и землю.

В эти минуты я случайно посмотрел в сторону хребта и пика Святой Горы – и положительно замер от удивления и восторга. Картина, представившаяся моим глазам, была поистине фантастической. Иссиня-темной, исполненной тайны и святости возвышалась Афонская Гора над целым царством сверкающего, зеркально гладкого простора, каким являлось все море, не волнуемое ни единым движением воздуха, ни ветерка. Ни один пароход, ни одна лодка – не нарушали в эти дивные минуты божественного покоя этого прекрасного уголка вселенной. И только изредка долетало до слуха едва заметное и полное нежности плескание морских вод о каменистый берег.

Незабываемое настроение навевают на человека эти вечерние морские всплески – таинственные, редки и в то же время упорно-неизбежные, безгранично-свободные от всего того, что порождено мирской суетой. И еще глубже, еще ощутительнее становится тайна этих всплес-

ков, когда тихий шепот моря начинает смешиваться с тихими, редкими ударами колоколов обители, призывающими к всеобщему бдению.

Прошло уже много времени с тех пор, как я, охваченный самыми лучшими чувствами, долго стоял лицом к лицу с этим удивительным видом на величественную Святую Гору, охваченную гигантской рамкой из блеска моря и лунного света. Но и сейчас эта дивная картина встает передо мной, как наяву, вместе с ее береговыми всплесками и редкими ударами колоколов обители. И как благоговейно замирает тогда сердце, как неудержимо тянет снова туда – к чудесным красотам Афона и его святынь... И как прискорбно, что эта единственная и величайшая твердыня православия так трудно достижима для громадного большинства из нас – обездоленных и усталых людей, чающих душевного покоя, укрепления в вере и Божьей помощи.

В этот вечер по своему возвращении в монастырскую гостиницу я быстро уснул. Но в полночь внезапно был разбужен плавной, певучей мелодией, которая неслась ко мне. Проснулся, привстал и в первую минуту со сна вообще не в силах был вспомнить: ни где я, ни что это. Приоткрыл свою дверь – и понял тогда, что это идет «полунощница» в соседнем параклисе. Я быстро оделся, прошел коридором и в полутемном храме простоял всю службу. Затем снова улегся и тотчас же заснул, для того чтобы на утро пробудиться полным бодрости и самого радужного настроения.

Уже благовестили к воскресной обедне. И за открытыми окнами моего номера снова ярким золотом горели все купола монастырских церквей. Горели купола собора целителя Пантелеимона и храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы, куда я и направился. И получил я величайшее духовное удовлетворение. Воскресное богослужение в Покровском соборе совершалось с большой торжественностью и по своей благоговейности производило сильное впечатление. Прекрасно пел монашеский хор, вернее, два больших хора, на обоих клиросах, из песнопений которых особенно отличалось «Тебе поем», по своему напеву представлявшее нечто редчайшее и нигде ранее мною не слышанное. Это напев самобытный, афонский: сами монахи сочинили это «Тебе поем». А когда и в чье владычество – Господь его ведает. Может лет и пятьсот тому назад: ведь здесь нет земного времени...

После окончания литургии ко мне подошел монах-гостинник и сказал: «Теперь милости просим пройти в свой номерок и напиться чайку после литургии. А потом отец наместник просил вас пожаловать на общую трапезу».

В урочный час особый колокольный звон возвестил о созыве всех иноков на трапезу. Я немедленно покинул номер и в сопровождении фондаричного отца Паисия поспешно направился к трапезной. Туда со всех сторон огромной обители уже стекалось множество людей в черных рясах и клобуках. И уже вскоре я очутился в большой и очень высокой трапезной, сплошь по стенам и потолку расписанной живописью духовного содержания и вмещавшей громадное число иноков всех монашеских степеней, не говоря уже о послушниках в подрясниках и скуфейках. Длинные и узкие столы тянулись от одного конца до другого, приятно лаская глаз чистотой и симметрично расставленными по местам скромными монашескими приборами, старинными кувшинами и массивными чашками.

Провожатый привел меня в самый отдаленный конец трапезной, к головному столу, где сидит игумен, наместник и наиболее заслуженные старцы. «Отец наместник просит вас сесть здесь, по его левую руку, – пояснили мне любезно ласковые старцы. – Сейчас батюшка сам выйдет к братии». Все иноки тем временем уже стояли у своих мест, занимая их во всю длину громадных столов. Не было слышно ни единого слова: все чинно безмолвствовало, ожидая прихода отца наместника и, конечно, не позволяя себе в эти минуты прикасаться к столу и пище. Так прошла еще минута-другая. И вдруг все монахи почтительно устремили глаза к широко раскрытым дверям: вошел отец наместник в мантии, в клобуке и с длинным двурогим посохом в руке. И едва он дошел до своего места, по левую сторону коего в смущении стоял я, –

как мощный хор грянул «Отче наш» и Славословие. Вслед за этим отец наместник благословил «ястие и питие», давая тем возможность всем собравшимся приступить к еде.

В тот же момент на высокую кафедру вошел дежурный инок и по звонку отца наместника приступил к чтению жития святых – традиция обычная во всех православных общежительных обителях. В течение всего трапезования за столами царило гробовое молчание, и не только младшие иноки, но и седобородые старцы не позволяли себе разговаривать. Только один раз, в середине трапезы, монотонное чтение «Жития» прервал колокольчик отца наместника: тогда сидящие за столами набожно осенили себя крестным знаменем и потянулись за кружками с водой.

Наконец, по удару того же колокольчика вся масса иноков покорно поднялась для участия в так называемом чине Панагии. Это древнейший православный обряд, в давние времена соблюдавшийся и в монастырях России, но впоследствии почему-то забытый. Сохранился он на Афоне, пройдя через века до наших дней без всяких изменений. Это особое краткое богослужение, совершаемое над лежащей на блюде обыкновенной просфорой, при всеобщем пении «Достойно есть» и колебании над ней воздуха несколькими старшими иеромонахами. Напева «Достойно есть», подобного тому, какой пришлось слышать при Панагии в Свято-Пантелеимоновом монастыре, я тоже не слышал ранее нигде. И, слушая его впервые, был я до глубины души восхищен и поражен торжественностью и своеобразной красотой этого песнопения. И опять я узнал об афонской же его самобытности: создали это «Достойно» сами афонские иноки, ушедшие от мира к подножию Святой Горы и давно не имевшие ничего общего со светскими песнями и звуками. И мне стало понятным, что только здесь и могут рождаться такие напевы, ибо ни один, даже самый лучший духовный композитор, не сможет создать того, что постепенно создавали какие-нибудь безвестные и смиренные певуны-иноки, долгие годы не слышавшие ничего, кроме того же церковного пения, чередовавшегося с колокольным звоном или шумом моря.

Пение «Достойно есть» при обряде Панагии продолжается достаточно долго, значительно дольше того, как иеромонахи, колеблющие над просфорой воздух, закончат свое священнодействие. Не прекращается пение и тогда, когда после окончания освящения просфоры она разламывается на части особыми дежурными эклессиархами, а затем в сопровождении дьяконов со звенящими кадильницами разносится на блюде по рядам всей братии. Каждый инок тогда, отделив от просфоры-панагии совсем незначительную частицу, благоговейно ее съедает, предварительно подержав ее над курящейся кадильницей, несомой другим эклессиархом. Таков этот строго иноческий и древний обряд старого Афона¹⁰, от которого так и веет прелестью нашей чудесной церковной истории.

* * *

Трапеза окончилась. Получив благословение отца наместника, я стал пробираться к выходу, затерявшись в густой толпе черных клобуков, мантий и простых послушнических подрясников. Так же как и во время трапезы, все иноки двигались молча, не переговариваясь и не окликая друг друга. Пребывая в их толпе, я еще за несколько шагов до выходных дверей заметил, как каждый инок, покидая трапезную, обходит кого-то лежавшего на полу. А уже через несколько секунд и я увидел тех, кого так бережно обходили монахи. Это были – лежавшие ниц перед выходившими из трапезной – повар, трапезарь и чтец, просившие таким образом смиренно прощения у каждого монаха за какую-либо оплошность, допущенную во время обеда или изготовления пищи. О таком прощении эти иноки-работники, согласно древнему

¹⁰ В настоящее время наши ревнители православия иерархи, следуя за желаниями благочестивых людей, восстановили обряд Панагии и в некоторых зарубежных обителях (Полачевская лавра).

афонскому обычаю, ежедневно просят своих братьев, в знак монашеского смирения, которым прочно проникнута жизнь афонских подвижников.

* * *

На четвертый день большой группе вновь прибывших паломников был дан проводник монах, и они отправились по горе; желавшие иметь мула или осла, платили 5–6 рублей. Путешествие по горе продолжалось 2–3 недели, но я в нем не принял участия, так как прежде хотел ознакомиться с жизнью в Пантелеимоновом монастыре – самой большой и старейшей русской обители на Афоне.

Утренняя начиналась здесь, как и на всем Афоне, в 12 часов ночи. Звон начинался за 15 минут, а звонки будильщиков в коридорах всех братских и гостиных корпусов раздавались за полчаса до начала утрени. Схимники вставали за час и, исправив положенное келейное правило, шли к утрени. И начиналась утренняя, когда вся братия и паломники сойдутся в церковь; это очень строго соблюдалось.

Будничная утренняя продолжалась четыре часа, полиелейная – более пяти часов, обедня – два-три часа, вечерня – полтора-два часа, вечернее правило – около часа. Кроме того, в Пантелеимоновском монастыре, хотя не в главной церкви, в продолжение седмицы бывали всенощные бдения, которые начинались в 9 часов вечера и продолжались до 4–5 часов утра. В воскресные и праздничные дни и в дни великих святых всегда совершались бдения. Эти бдения были более торжественны, продолжались не менее 10–12 и иногда даже и 15 часов. Например, в память святого великомученика и целителя Пантелеимона бдение продолжалось с 5 вечера до 8 часов утра.

День у афонской братии распределялся так: простояв 6–7 часов у утрени и ранней литургии, братия расходилась по своим делам и послушаниям. Поздняя литургия не для всех была обязательна. По окончании ее, около 10 часов утра, бывала общая братская трапеза, на которую шли вместе и паломники. Все кушанья холодные приправлялись афонским оливковым маслом.

После обеда до вечерни оставалось 3–4 часа, и в этот промежуток времени некоторые немного отдыхали, а потом опять несли послушание. Вечерня начиналась около 3-х часов; после нее ужин и опять в церковь к вечернему правилу, которое кончалось в начале 8-го часа вечера. А тут недалеко и 12-й час, когда звонок будильщика опять звал в церковь на молитву.

Отсюда видно, сколько свободного внебогослужебного времени имели в своем распоряжении иноки. Кроме того, еще келейное правило, да и чтению Священного Писания нужно было уделить время. Вместе со всем этим в монастыре широко была развита и хозяйственная часть: кузнечные, слесарные и столярные мастерские, типография, иконописные, производство капитальных построек и всевозможные тяжелые работы.

В потреблении пищи тогда в Пантелеимоновском монастыре держались таких правил. По понедельникам, средам и пятницам бывал только обед и два раза давался кипяток для чаю, в остальные дни – обед и ужин и один раз кипяток.

При входе в трапезную обращало внимание паломников, что кушанья уже расставлены были на столах, для каждого в отдельной глиняной посуде; поэтому горячие кушанья приходилось употреблять уже остывшими. Если в положенные дни подавалось вино, то это было не что иное, как хороший кислый квас, не имевший ничего общего ни с вином, ни с какими другими спиртными напитками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.